

Постепенно грустное облачко, оставшееся после разговора, развеялось. По мере того, как мы удалялись от серой громады стены, душу снова заполняла радость. Мы спускались по горному лугу посреди изумрудной травы и благоухающих цветов. Солнце ласково гладило руки и спины, но не утомляло жарой. То и дело попадались ручейки, дышащие прохладой. Позади нас постепенно вырастали скалистые уступы. Они не были столь заметны, пока мы находились вровень с ними; лишь спустившись на ярус ниже, мы осознали их величие. Кое-где наверху со скал низвергались водопады, снизу казавшиеся тонкими струйками с туманным ореолом вокруг. Далеко в беззвучной синеве парили хищные птицы. Вобщем, это был классический и прекрасный горный пейзаж. И к восхищению снова добавилась сладостная мысль: ведь это почти единственное место на земле, подумал я, где человек не просто потребляет эту красоту, а служит ей, отдавая всего себя, и от служения-сопричастности получает новое, ни с чем не сравнимое наслаждение... Я пытался представить себе, что это я служу, что я тоже – сабинянин, один из этих дивных людей в линялых холщовых рубищах со множеством тесемок и мешочков. Что вся моя жизнь посвящена сохранению этого чуда, ради него я беззаветно тружусь, забывая о себе... Я пытался, но пока не мог. Привычка к другой жизни пока не отпускала. Но ничего, я сумею, говорил я себе. Только бы побольше насмотреться на них, услышать их, понять!

Некоторые из моих спутников стали привычно искать под рукой приспособления для фотографирования. А не найдя, испытали легкий абстинентный синдром, о чем шутливо сообщили всем.

- Все-таки не понимаю, зачем Верховному жрецу понадобилось отлучать нас от фотокамер, - заметила Йоки, любуясь цветами горечавки. Они казались яркими сапфирами, вставленными в изумрудную оправу. – Какая-то странная принципиальность. Почему не дать унести с собой на память изображения этих пейзажей? Если он опасается, что мы сфотографируем какую-то страшную тайну, то в чем проблема просто проверить на выходе наши карты памяти? Они же такие сведущие в технике, эти исторические реконструкторы в лохмотьях!

Природная благодать сделала свое дело: от бывшего смущения Йоки не осталось и следа. Она улеглась на траве, подложив руку под голову, и рассматривала пернатых хищников, кружащих в вышине.

- О благословенное юное простодушие, - весело-покровительственно проговорил Ченг, перематывая на ногу портянку. Он вернулся к своему ампула хранителя традиций, и теперь уверял нас, что обматывание ноги хлопковым полотном гораздо эффективнее защищает от натертостей, нежели трикотажные носки. – Дело не в картинке, которую мы можем заснять, дело – в самих гаджетах. Откуда сабинянам знать, что еще скрыто у вас под корпусом фотоаппарата? В любом случае они разбираются в технике не больше нашего среднего обывателя. Вряд ли тут найдутся эксперты по шпионскому оборудованию, например.

- Все верно. Будь я врагом Сабинянии, я бы пронес с собой «жучки» со скрытыми микрокамерами, и установил их всюду на пути своего следования, - подхватил Ержи, - И все – конец сабинянским тайнам! Весь мир узнал бы, что тут происходит между визитами экскурсионных групп.

- Да что там – под видом смартфона можно и взрывоопасные элементы пронести, и отравляющие, и вообще диверсию устроить, - принялся фантазировать Тим.

Тема оказалась благодатной.

- Надеюсь, - перебил Ченг, стаскивая второй ботинок, - никто из нас не догадается подбросить

этот совет знакомым? Они могут оказаться менее идейными, чем мы, а кто-то из них, не исключено, когда-нибудь тоже попадет в экскурсию.

Мы расположились на поляне около ручья; он весело сбежал со скалистого пригорка. Нельзя сказать, чтобы группа очень устала, но пройти мимо такого места было трудно. К тому же, хотелось обсудить первые впечатления. Тошук уселся, прислонившись спиной к мшистому выступу скалы. Остальные кто сидел, кто лежал, с наслаждением подставив лицо солнцу.

- Нет уж, Йоки, - шутливо продолжал Ержи. - Если мне пришлось отказаться от сигарет, то и ты откажись от фотографирования. У меня-то точно ломка посильнее твоей будет!

- Самая сильная фото-ломка - у Марка, - сказал Марино. - Но смотрите, как он неплохо справляется.

Марк уже давно устроился поодаль, положив на колени блокнот. Сперва я думал, что он ведет дневник. Но теперь увидел, что он рисует, быстро-быстро водя карандашом по бумаге. Он улынулся, не отрываясь от своего занятия:

- Когда я знал, что меня берут в экскурсию, я взял несколько уроков рисования, чтобы восстановить немного подзабытую технику... и вроде получилось.

Он перевернул к нам блокнот. Вот так чудо! Мы увидели профиль лежащей Йоки, набросанный крупными уверенными штрихами. Раздались восхищенные возгласы.

- Ну вот, ура, теперь у нас в группе есть художник, - довольно сказал Ержи. - Значит, вернемся не с пустыми руками. У меня-то с этим совсем никак.

- А Теше вы не нарисовали? - спросил я.

- Не успел, - ответил Марк. - Но солдат набросал, уже по памяти.

Он пролистнул блокнот назад и показал две знакомые фигуры. Действительно, было очень похоже. Даже их невозмутимые улыбки были переданы очень точно.

- Все-таки удивительно, - подал голос Тим, усаживаясь поудобнее на своей куртке. - Человек когда-то был американцем. Может, даже проходил по тем же местам, где и я. Наверняка ездил в машинах, в метро, заходил в магазины, смотрел телевизор. Но от него прежнего ничего не осталось. Стерто начисто. Сейчас это какой-то нищий средневековый монах. Как это возможно - не представляю...

- Признаться, я бы тоже не подумал, что вы - американец, пока вы не сказали, - усмехнулся я. - Наверное, у нас есть некое типовое представление об американцах, отчасти по фильмам, которые на 95% - голливудские, отчасти - по туристическим группам. Но вот вы - совсем другой. Правильно было сказано: в США слишком много народу, чтоб можно было вывести типичного американца. Можно сказать, что этот Теше - типично нетипичный американец... И потом, у вас же в 60-х развелось столько необычных религиозных течений, что не удивлюсь, если он был не один такой.

- Правда, остальные в итоге вернулись к более-менее привычному образу жизни, а этот ушел в совсем иной мир, - заметил Тим. - И навсегда. Похоже, что навсегда.

- Именно иной, - добавила Йоки. - Как будто бы человек принял решение улететь на Марс, откуда нет обратной дороги. Наверное, марсианские колонисты, если туда все-таки полетят,

будут лет через 30 представлять собой нечто похожее.

- Ага. Вспоминать о себе прежнем, как о другом человеке, - вставил Марино.

- Или вообще не вспоминать, - добавил Тим.

- Интересно, кто его жена? - задумалась Йоки. - Откуда она? Тоже американка, или она родом из другой страны, и они познакомились уже здесь?

- И где она сейчас?

- Мне почему-то кажется, что она находится там же, где и его умершие дети, - сказал Марино.

- То есть умерла в молодом возрасте от плохого питания и отсутствия медицинской помощи.

- Очень может быть, - согласился Марк, не поднимая глаз от рисунка.

- Коллеги, коллеги! - нетерпеливо воззвал Ченг. Он уже перемотал портянки и зашнуровал ботинки. - Поймите, что это - осознанно выбранный образ жизни. Отказ от медпомощи, от разнообразного питания...

- И от питания вообще, - вставил Тим.

- Традиционный образ жизни вообще-то предполагает риск неурожая, - в который раз изрек Ченг, недобрительно покаясь на него. - Это в нашем мире все предсказуемо, мы всем обеспечены. Шансов умереть голодной смертью - никаких. Но какой ценой это достается? Ценой варварской нагрузки на природные запасы. Пожив эдаким обществом изобилия еще лет 100, мы просто истощим ресурсы и питьевой воды, и почв. А эти люди решили добровольно ликвидировать свою нагрузку на природу, выбрав существование на грани выживания. Возможно, для того, чтобы подать нам всем пример!

- Да-да, - воскликнула Мария, как всегда с уважением слушавшая Ченга, - я уверена, что сабиняне показывают нам, всей планете, как нужно жить!

Наверное, мне не следовало этого делать, но это был спор, все время ведущийся в моей голове, и мне трудно было сдержаться.

- Все верно, мы все мечтаем, чтоб это было так, потому что мы нуждаемся в таком примере, - быстро произнес я. - Но одно дело - утешать себя тем, что существуют подвижники, готовые умереть ради планеты, и совсем другое - стать таким самому.

- Но не вы ли в сети все время заявляли, что мечтаете оказаться в Сабинии? - язвительно спросила Мария. - А теперь, получается, вы увидели первого подвижника и сразу передумали?

Я не знал, что ей ответить. Нет, я не передумал. Я думал в точности то же, что и раньше: что Сабиния меня одновременно восхищает и пугает. Пугает вопросами, остающимися без ответа.

- Я мечтал оказаться здесь именно потому, что хотел разрешить свои сомнения, - наконец, сказал я. - Идея, которая здесь реализована, прекрасна. Но я не понимаю, как она реализована...

- Может, вам стоит хоть на время отказаться от умствований? - перебила Мария с металлической ноткой в голосе. - Вам же будет легче. Если идея реализована, то уже неважно,

как!

Я вздохнул.

- Повторяю, идея отказа от личных амбиций ради общего блага – это замечательно. Но неестественно. Так же как и идея Рая. Он нам нужен, мы все о нем мечтаем. Но что-то нам подсказывает, что здесь, на земле, он неосуществим. И вот я оказываюсь в раю на земле! Понятно, что я задаюсь вопросом, а как это работает, - сформулировал я осторожно.

- Все-то вам нужно раскрыть, все препарировать, - презрительно отвернулась Мария. - Машинная цивилизация, что тут скажешь!

Я подумал, что вряд ли она сама принадлежала какой-то другой.

- А как насчет Северной Кореи? – вмешался Тим. – Со стороны это выглядит как точно такой же Рай на Земле, все в едином порыве строят светлое будущее, светлое настоящее и т.п. Но ведь вы не станете отрицать, что это не очень соответствует действительности?

- Сравнение некорректно! – воскликнул Ченг. – Северная Корея – это огромная бездушная машина с миллионами людей-винтиков. В таких условиях невозможно создать совершенное общество. А Сабиния – это всего две тысячи человек. Фактически, семейная коммуна. Даже записные антикоммунистические скептики согласны с тем, что в рамках семьи коммунизм возможен.

- Он и реализуется в каждой семье, - добавила Мария.

- Ничего себе семья – две тысячи народу! – усмехнулся Марино. – Даже в фирме, где работает сто человек, идут постоянные распри и внутренняя борьба. Чтобы все эти две тысячи человек не завидовали друг другу, не пытались превзойти, не боролись за ресурсы, они должны быть либо олигофренами (ну, или запрограммированными роботами), либо действительно состоять в родственных связях друг с другом. Причем – близких.

- Это невозможно, - отозвался со своей стороны Марк. – Сколько бы их не было изначально (кстати, мы этого не знаем), за два поколения они не успели бы все породниться.

- Причем здесь родственные связи?! – не унималась Мария. – В сравнении с семью миллиардами людей на планете две тысячи в любом случае будут восприниматься как маленькая компактная семья.

- Тем более, что она зацементирована ощущением своей инаковости, непохожести на внешний мир, - согласился я. – И готовностью в любой момент отразить внешнюю угрозу. Да, все верно – осознание себя осажденной крепостью очень способствует сплоченности. Впрочем, для осажденных они ведут себя очень дружелюбно, ну да ладно... Хочу лишь сказать, что 2000 человек (ну хорошо, вычтем 300-500 детей, или сколько их тут при местной высокой рождаемости – итого получается 1500-1700 взрослых) – это слишком много для полного единомыслия. В таком коллективе обязательно должен появиться разброс по ценностям, по характерам. Подвижники-идеалисты и, наоборот, единоличники-эгоисты.

- Возможно, эти крайние эгоисты как раз и эмигрировали, - вставил Ченг.

Он умел так замечательно компенсировать свои возражения располагающей улыбкой, что они выглядели не оппонированием, а дружеской поддержкой. Чего нельзя было сказать о Марии.

- Ну хорошо, - сказал я. - Крайние эгоисты эмигрировали... А не крайние? Просто обычные люди, у которых дети умирают от последствий недоедания или отсутствия медицинской помощи? Тот же Теше. Да, разумеется, они привыкли к такой жизни. Но, если верить тому, что они заходят в интернет и знают, что в других странах детей лечат... Любой нормальный человек захочет такого же для своего ребенка. Эмигрировали всего 10-15 человек. А 1000 человек, дети которых болели и недоедали? Неужели они были с этим согласны? Не могу в это поверить. Как хотите, но не могу...

Я умолк, не решаясь поднять взгляд на Тошука, который, я знал, не сводил с меня глаз.

- Согласен, - сказал Марино. - Такое ангельское смирение перед лицом беды возможно лишь, если ты не представляешь себе другой жизни. Но гипотеза об интернете это исключает. Члены общины могут быть какими угодно идейными, не вестись на приманки рекламы, всяких излишеств цивилизации и все такое прочее, но здоровье и жизнь твоего ребенка - это не рекламное излишество. Если они знают, что в любом другом месте их ребенок мог бы выжить, а здесь он умрет, то желание увезти его отсюда будет совершенно естественным.

Я ждал, что Мария будет возражать, но вдруг услышал голос Тошука:

- Таким образом, предполагается два варианта разгадки. Первое - сабиняне искренне не представляют себе другой жизни. Это значит, что они врут, будто заходят в интернет, или же «интернетом» они считают несколько определенных сайтов, которые для них открыты; может, они вообще заходят на них в режиме офф-лайн, то есть эти сайты просто загружены на их компьютеры, и все. Что касается экскурсантов, то есть нас, то они нам не верят. Второй вариант - они все прекрасно знают, то есть догадываются, но запуганы до такой степени, что ни единым жестом не показывают правды...

Я был изумлен. Тошука никак нельзя было назвать фанатиком, но, тем не менее, такого праздника объективности я не ожидал.

- Вранье про интернет возможно и при втором варианте, - подхватил Ержи. - Их заставляют рассказывать, что супердемократичные жрецы позволяют им связываться со всем миром и знать, как мы хорошо живем. На самом деле они ничего о мире не знают. Возможно, они даже уверены, что никакого внешнего мира нет, или там такая же тюрьма, как и у них.

- Но как тогда они объясняют себе появление экскурсантов? - удивился Тим. - Мы что, с их точки зрения, иллюзия?

- Могу предположить, что они считают нас чем-то вроде провокации своих жрецов. Проверкой на политкорректность, так сказать. Поддались, сказали что-то не так, пожаловались на жизнь - и все, к стенке.

- Вы начитались антиутопий, - усмехнулся Ченг. - Это откуда, из «1984» Оруэлла?

- Это возможное продолжение «1984», - ответил я за Ержи. - Там как раз герой принял провокацию за чистую монету и за это поплатился. Версия Ержи предполагает того же героя, только наученного горьким опытом.

Ержи согласно кивнул.

- Мне странно это слушать, - недовольно сказала Мария. - Большинство из вас еще неделю назад признавались в любви к Сабинянии. Да-да, и вы тоже! - она строго посмотрела на Ержи. - Это ведь у вас на аватарке изображение русалки, верно? - И убедившись в своей правоте,

торжествующе продолжила: - По-моему, в вас говорит обычный зуд противоречия. Когда вы писали свои восхищенные посты, вы не верили, что все это может быть правдой. А оказалось, что это так. И вам обязательно нужно найти в совершенстве изъян. А если его нет, то вы его придумываете.

- Я бы сказал, это зуд поиска сложных решений там, где все до обидного просто, - миролюбиво заметил Ченг. Довольная улыбка свидетельствовала о том, что он уверен в своей правоте и в том, что сейчас убедит в ней всех нас. - У вас, дорогие мои, не было ни малейшего основания считать, что Теше и те двое воинов врут нам, либо нас подозревают во лжи. Извините, но все это высосано из пальца. И напрасно вы провоцируете молодежь на конспирологические версии, - вежливо обернулся он к Тошуку. - Я понимаю, что в вашем случае это был просто полемический оборот, но, как видите, его приняли слишком близко к сердцу.

- Ни в коем случае этого не хотел, - вежливо поклонился, в свою очередь, Тошук. - Но мы договорились искать истину. Я попытался сформулировать две основные скептические гипотезы. Не думаю, что они могут нанести истине вред. Она на то и истина, что ей ничто не опасно. Итак, первая гипотеза - жители ничего не знают о внешнем мире, считают его вражеским и поэтому, логично, не верят нам. Вторая - они затерроризированы настолько, что им вообще-то все равно, каков он, внешний мир. Им важно лишь, убьют их или нет за лишнее слово. Они могут считать нас провокаторами, а могут и не считать. Я верно излагаю?

- Вполне, - ответил Тим.

- А третьего варианта вы не допускаете? - воскликнула Мария.

- Конечно, допускаю. Третий вариант - что все именно так, как трактуют жрецы через свои каналы связи с внешним миром. А именно: здесь мало того, что построен Рай на Земле, здесь каким-то образом выведен новый вид человека, который склонен подчинять все свои личные интересы общему благу, а также благу природы. Они знают о нас абсолютно все, но так как они - новый совершенный подвид хомо сапиенсов, эти знания не способны поколебать их идейности. Они ничего и никого не боятся - ни нас, ни президента США, ни своих жрецов, ни своего спецназа. Просто каким-то удивительным образом решения, направленные на достижение общего блага, совпадают с их свободным волеизъявлением.

- Короче, это ангелы, - хихикнул Ержи.

- Если бы я не слышала в ваших словах иронию, я бы подписалась под каждым словом, - изрекла Мария, строго взглянув на Тошука. - Признаться, я очень удивлена. Вы бывали в Сабинянии до нас, со многими здесь знакомы. Уж вы-то точно знаете, какая версия истинна. Зачем вам играть в эти глупые игры и бросать тень на тех, кто вам доверяет?

Тошук опустил глаза.

- Да, я был здесь не раз. Кое с кем знаком. Но, тем не менее, я - всего лишь гость здесь, хоть и давний. У меня осталось еще множество вопросов и белых пятен. Как и вы, я хочу найти на них ответы. Но я уверен, что мы не оскорбим наш любимый предмет - Сабинянию - если будем спрашивать и сомневаться. - Помолчав, он добавил: - Мария, не сердитесь на меня, но если бы вы были на сто процентов уверены, что это Рай на Земле, вы бы давно убежали от нас, чтобы на первом же стойбище внизу умолять оставить вас тут навсегда. Но вы этого не делаете. Значит, и у вас есть сомнения.

Мария было смутилась, но быстро оправилась:

- Вас интересует, почему я до сих пор не сбежала от вас? – усмехнулась она. – Поверьте, я не уверена только в одном: в своих чисто физических способностях выдержать здешнюю жизнь. Увы, я, как и вы, ослаблена городской цивилизацией. Лет двадцать назад я, наверное, могла бы с уверенностью предложить себя коммуне как хорошую трудовую единицу. Но мне пятый десяток лет. Здоровье уже не то. Я прекрасно знаю, что в таком виде я вряд ли принесу здесь пользу. Я собираюсь принести ее по-другому: увидеть как можно больше, чтобы максимально полно рассказать о Сабинянии в нашем мире. И, может быть, убедить людей хоть в чем-то последовать ее примеру.

Получилось немного высокопарно, но у Марии таким выходило любое суждение, даже самое правильное.

- Что ж, значит, в этом плане у нас консенсус: мы все хотим узнать побольше, - сказал Тошук. Он посмотрел поверх наших голов. – Похоже, совсем скоро у нас будет возможность реализовать это желание.

Повернувшись в ту сторону, мы увидели движение среди кустов; направо от главной тропы вниз отходила еще одна, более узкая и извилистая. Видимо, это был короткий спуск к морю. Сейчас по этой тропе к нам поднимались люди. Издали они казались сплошной серой массой. Но приблизившись, масса оказалась не столь уж большой - не больше трех десятков человек. Некоторые из них волокли за собой тележки, привязанные к поясу. Одежания у всех были такие же, как у солдат и у Теше: либо простые подпоясанные рубахи и собранные на шнурке у пояса мешковатые штаны, либо (вероятно, это был щегольской вариант, потому что так были одеты в основном женщины и молодые мужчины) - сложная обмотка всего тела одним или несколькими кусками ткани, отдаленно напоминающая индийское сари. Разве что это «сари» было коротким (у мужчин - выше колен, у женщин - чуть ниже) и обмотано более плотно - плечи были закрыты. У некоторых костюм представлял собой комбинацию обоих вариантов. Женщины относились к своей одежде, если можно так выразиться, более изысканно. Их обмотки сохраняли попытки окрасить ткань какими-то нестойкими растительными красителями: попадались розоватые, голубоватые и даже темно-коричневые куски (последним, вероятно, ранее полагалось быть черными). Но в основном одежда была невнятно-серой. Я заметил довольно много украшений на шеях, руках и ногах: чаще всего это были неяркие бусины, нанизанные на шнурки. Наиболее нарядно выглядели прически: это были сложные комбинации из косичек, узлов, хвостиков и иных форм, украшенных теми же бусинами и шнурками. Видимо, волосы здесь были наиболее доступным объектом для экспериментирования. Сложные прически были даже у некоторых мужчин. Особенно выделялась голова одного парня - белобрый, коротко выстриженный снизу, а сверху украшенная тремя длинными хвостами. Концы их выбились из узла - а может, это было сделано намеренно - и весело болтались при ходьбе. На ногах у одних были сандалии, другие были обуты в нечто вроде кожаных мешков, привязанных на шиколотках ремнями. Но, что любопытно, обладатели щегольских мужских причесок шли по камням исключительно босиком, словно бы это была плата за следование моде. Впрочем, не похоже было, чтобы они страдали: их грязные мозолистые ноги уверенно ступали по острым камням. Видимо, к веткам они относились столь же спокойно, потому что их голые щиколотки были сплошь покрыты царапинами и ссадинами. Еще издали я заметил, что все идущие - и мужчины, и женщины - улыбались и переговаривались между собой; улыбки и взгляды были точно такими, какие возникают при общении разнополой молодежи. Разве что в нашем мире к этому коммуникативному комплексу добавились бы еще нескромные жесты, обхватывания и непременно громкий, вызывающий смех. Здесь ничего такого не было. Все эти люди явно были на работе: все, кроме женщин, несли на спинах туго набитые котомки либо тащили груженные тележки. Разговоры были негромкими, эмоции выражались в основном во взглядах.

Путники заметили нас еще издали, но их поведение от этого ничуть не изменилось. Они так же неторопливо поднимались в гору, не прекращая своих бесед, и приостановились, лишь выйдя на главную тропу рядом с нами. Двое мужчин, шагавших первыми (один молодой и один - лет сорока) церемонно поклонились Тошуку, что-то невнятно бормотнув при этом; в нашу сторону они послали легкий кивок. Тошук, как и раньше, издал несколько отрывистых звуков, но, насколько я мог судить из его прежде сделанных пояснений, произнесена была целая фраза, только с проглатыванием гласных.

- Они идут как раз в сторону того стойбища, куда нам нужно, - сказал он, поворачиваясь. - Можем пойти вместе с ними.

Мы резво похватили свои рюкзаки, на ходу запихивая в них все, что успели вытащить. Путники явно не собирались задерживаться. Медленным потоком, гремя по камням своими тележками, они выходили на главную тропу. Мы поспешили за ними. Тошук пошел впереди рядом со своими, видимо, знакомыми, а мы растянулись по тропе вместе с остальной группой. Я оказался рядом с тем самым парнем с тремя белесыми хвостами на голове, который привлек мое внимание в первую минуту. Он, в дополнение к своему явно нелегкому заплечному мешку (который по степени удобства был очень мало похож на наши эргономичные рюкзаки), еще и тащил груженую тележку (босиком!), однако не подавал вида, что ему тяжело. Вместо этого он скромно, но старательно пытался привлечь внимание двух девушек, идущих неподалеку, явно уговаривая их присесть к нему в тележку (из-за отсутствия гласных звуков в его шипяще-гортанной речи я не мог уловить интонации, но по обмену взглядами все было понятно). Девушки смеялись и отказывались, хотя, похоже, не были против такого внимания. Парень вел себя уверенно и с достоинством, однако не демонстрировал превосходства над другими; похоже, уверенность он черпал просто из своей молодости, силы, присутствия девушек, солнца и красоты вокруг. Так, должно быть, выглядит совершенно счастливый человек, подумал я. Он не был мускулистым с точки зрения наших завсегдатаев тренажерных залов: худощавые руки и ноги были покрыты мелким рельефом из мышц и вен, а поверх них - сплошным рисунком из царапин. Как и его товарищи, он был до колен завернут в обмотки - но гораздо более небрежные и грязные, чем у других. Он не был красив: близко посаженные серые глаза и небольшое широкоскулое лицо были бесконечно далеки от общепринятых эстетических стандартов (и даже от «антистандартов», к которым Голливуд иногда прибегает, когда типичные красавцы начинают приедаться зрителю). Когда парень улыбался, его маленькие глаза и вовсе превращались в крошечные щелочки. Но мне казалось, что это улыбается само солнце - прекрасное, сильное, равно дарящее всех своими благами - такой лучезарной была его улыбка. Он каким-то образом ухитрялся охватывать своим теплым вниманием почти всю группу: каждому предлагал помощь, подбадривал, шутил, робко кокетничал с девушками. И видно было, что все вокруг с удовольствием принимают лучи этого маленького солнца с тремя болтающимися хвостами, которые ни секунду не оставались в покое. Его лицо и весь внешний вид с первого взгляда показались мне знакомыми. Однако я не сразу вспомнил, что видел его на одном из рисунков у Тошука, которые тот показал мне при первой встрече. Черты лица там были набросаны схематично, и хвостов в прическе не было, оттого-то я не сразу узнал его.

Спустя короткое время в его тележке прибавилось: похоже, он разгрузил малорослого человечка спереди и еще кого-то сзади. Но Треххвостому этого было мало, и он все-таки усадил в свою тележку одну из девушек - самую, надо сказать, невзрачную - и побежал вперед, шутливо изображая конские всхрапы.

- Сильные у вас ребята, - сказал я на своем языке в сторону только что облегченного невысокого носильщика.

Я не думал, что он ответит, но вдруг с удивлением услышал родные слова.

- Да, это наши солдаты, - сказал тот как ни в чем не бывало. - Никогда не упустят случая потренироваться.

Он говорил добродушно, ничуть не смущаясь оттого, что другой самец у всех на виду показал свое превосходство над ним. Видимо, ни он сам, ни Треххвостый, ни все остальные не считали, что это унижение. Он говорил на моем языке очень правильно, даже слишком, но произносил слова с заметным акцентом, хотя и непонятно, с каким. Я спросил, каким образом он так здорово выучил наш малопопулярный язык, который, к тому же, среди иностранцев считается сложным и неблагозвучным.

- Еще в юности, - с готовностью ответил он. Видимо, подразумевалось, что в юные годы лингвистические сложности даются проще. - Хотя я знаю не так много языков, как другие. Я не очень способный, - сказал он с усмешкой.

Оказалось, его зовут Си. На вид он был такого же неопределенного возраста, как и Теше. Но, как оказалось, ему еще не было и сорока.

- Куда вы направляетесь?

- На стойбище Трех Ручьев. Несем туда рыбу и все то, что им необходимо.

Я сообразил, что это за место. Судя по моим данным, там выращивали картофель и другие овощи, а еще держали коз. О том, что в тележках рыба, я еще раньше догадался по запаху. Видимо, группа шла с одного из рыбацких стойбищ на берегу. Я заметил, что Ержи, идущий сзади, безуспешно пытается разобрать наш разговор, и для облегчения ему перешел на английский.

- Долго ли вы работали там, на берегу?

- Все по-разному. - Си неизменно улыбался. - Я с неделю. Другие - дольше. Когда людей не хватает в одном месте, их переводят с других лагерей. Вот сейчас нужно копать картошку и полоть огороды. Поэтому нас перевели с берега наверх. А заодно мы несем тамошним свежей рыбки, - сощурился он.

- А вы не устаете вот так, все время переходить с места на место? - спросил Ержи.

- Ну, конечно, работать все устают. Но ведь вечером мы отдыхаем. У моря еще и купаемся. Наверху тоже можно искупаться, но в ручьях. Там вода очень холодная, - засмеялся он. - Зато много разных фруктов и ягод. Везде хорошо по-своему!

- А эти солдаты, - осторожно спросил Ержи, - они тоже работают? Или только сопровождают вас?

- Да, работают, - кивнул Си. - Им даже тяжелей приходится, потому что они еще очень много тренируются. Но между тренировками все равно стараются помочь, то здесь, то там.

- А если кто-то не может работать? - прозвучал сзади голос Тима. Услышав разговор, он догнал нас. - Ну, например, кто-то устал. Или болен. Или вообще чувствует, что ему все это страшно надоело. Он может отказаться? Что с ним тогда будет?

Идущие рядом сабиняне тоже прислушивались к нашему разговору и, судя по взглядам, обсуждали его между собой.

- Если он заболел, то его будут лечить. Если совсем заболел или состарился, то перейдет на легкую работу. – Си внимательно посмотрел на нас, пытаясь понять, чего именно от него хотят. И, кажется, понял: - А если человек вообще перестал видеть смысл в нашем труде, то ему не остается ничего другого, кроме как уехать. Здесь нельзя не работать. Иначе не будет урожая.

- И что, - подхватил Тим, - если человек утратил смысл и захотел уехать, его вот так запросто и выпускают?

- Да ведь тогда и работников не останется! Все захотят уехать! – подхватил Ержи.

Си кивнул одному из своих товарищей, шагавших слева от нас, словно призывая помочь ему с ответом. Лишь после этого высокий (на фоне остальных) парень с двумя темными косами за спиной счел возможным вступить в беседу.

- Как же это возможно, чтобы все захотели уехать? – улыбнулся он. Он говорил по-английски немного медленнее других, дольше выбирая слова. – Посмотрите, как тут красиво, - он обвел подбородком окрестности. Действительно, пейзаж становился все чудеснее. Вокруг цвело все – травы и кусты, воздух благоухал ароматами, и отовсюду слышалось журчанье воды. – Наоборот, многие ваши хотят тут жить. Но наша страна не может всех впустить, потому что иначе ваши ворвутся и уничтожат всю эту красоту.

- Вот именно, именно! – воскликнула Мария. Они с Йоки незаметно оказались справа от нас. – Это же рай!

- Все верно, - не унимался Тим. – Однако если все же представить, что кто-то смертельно устал в этом раю, он сможет уехать? Его отпускают?

- Да, конечно, отпускают, - сказал Си. – Но обратно уже не впустят. Поэтому желающих мало.

- Но они все-таки есть? Кого-нибудь когда-нибудь выпускали? – не унимался Ержи.

Си с товарищами переглянулись.

- Да, бывало, - ответил он. – Некоторые уехали.

- И вы знаете что-нибудь об их судьбе? Вы с ними переписываетесь? – допытывался Тим.

- Я – нет, - сказал Си. – Но некоторые другие – да.

- И что же? Что они пишут? Как живут?

- Обыкновенно, - усмехнулся парень с косами. – Просто живут. Ничего особенного. Они получили то, что хотели.

- И вам никогда не хотелось последовать их примеру? – отчаялся Ержи. – Ведь у них вдоволь еды, и не приходится с утра до вечера работать....

Он осекся. Наверное, ему хотелось сказать по-другому, но получилось не самое завидное описание эмигрантской жизни. Парень с косами рассмеялся – мне показалось, с ноткой грусти.

- Мне – нет. Я им сочувствую, потому что они никогда не смогут вернуться. Но так как это невозможно, то не нужно об этом и говорить. Просто они сделали свой выбор. Это надо уважать.

Он говорил так, будто эти неизвестные эмигранты по собственной воле отправились в пожизненное тюремное заключение. Или, скорее, покончили с собой.

- Не верю, - шепнул мне в ухо Ержи. - Как хочешь, но я не верю в его искренность.

Тим нагнулся к нам.

- Но они тут все здорово натасканы отвечать так, как надо, - продолжал Ержи. - Ни за что их не расколоть. Идеологическая обработка - на высшем уровне.

- Боятся, что мы их сдадим? - предположил Тим. - Но с виду говорят правду.

- Нет-нет. Слишком мало эмоций. Чеканят, как солдаты. Читают заученный текст. - Ержи опасливо оглянулся по сторонам. - А настоящие солдаты за ними присматривают.

Я невольно тоже оглянулся. За исключением Треххвостого, по виду было сложно понять, кто из группы относится к солдатам, а кто - к «гражданским». Я предположил, что именно люди воинского звания должны бравировать босыми ногами, тренируясь терпеть боль от острых камней. Таких было человек шесть - четверо молодых и двое постарше, годами уже за тридцать. Однако же они не походили на тюремщиков, конвоирующих заключенных: напротив, им приходилось тяжелее, чем остальным. Помимо отсутствия сандалий, они были навьючены больше всех. Так что, если здесь и существует привилегированная каста, то эти ребята - явно не оттуда, заметил я. Тогда Тим предположил, что у солдат действует жесткая иерархия, и привилегиями пользуется только их начальство.

- Во всяком случае, они не показывают вида, что страдают, - сказал я.

Треххвостый за это время переместился ближе к нам. Он все время двигался вдоль группы, как ткацкий челнок, то забегая вперед, то отставая, и поминутно обмениваясь парой слов то с одним, то с другим. Девушка с его тележки уже слезла (вообще-то в том, чтобы трястись по камням, было мало приятного) и сейчас он вприпрыжку шагал рядом со своим, видимо, сослуживцем: тот тоже был бос, и его прическа состояла из нескольких косичек, собранных на затылке в узел. Мне показалось, что с другими солдатами Треххвостый был куда более строг, чем с «гражданскими». Когда он обращался к ним, улыбка сразу сходила с его лица, и он чуть заметно хмурился. Может, он над ними начальник? Что-то вроде взводного? - подумал я.

Тем временем экскурсанты немного освоились и уже всю вели беседы с нашими спутниками. Краем уха я слышал, как голос Йоки по-английски спрашивал одну из девушек, есть ли у нее жених. Та отвечала, что да, есть, но он сейчас далеко, на другом стойбище. Там выращивают пшеницу. Работы очень много, поэтому его вряд ли отпустят оттуда до жатвы. И у нее самой мало надежд в ближайшее время добраться до него: в этой части страны тоже не хватает рабочих рук. Она с нетерпением ждет осени - тогда они точно встретятся.

Ержи, услышав это, выразительно посмотрел на нас и еще раз прошептал «Не верю!». Я взялся было рассуждать о том, что-де невозможность сразу реализовать любовное желание только усиливает его, и, наоборот, что массовый безо всяких ограничений секс в нашем мире приводит к тому, что из него (и из секса, и из мира) уходит любовь, и что мы по этой причине не испытываем таких сильных чувств, как в полном запретов традиционном обществе, и т.д. и т.п.. Но мне и самому было как-то не по себе от услышанного. Разве не стал бы я протестовать, спрашивал я себя, если бы мои встречи с любимым человеком регламентировал кто-то другой? Даже если бы я на сто процентов знал, что этот регламент - правильный и разумный? Ведь любовь по определению не слушает разум и игнорирует правила. А если она его слушает, то это не любовь. Впрочем, я сам вряд ли мог быть экспертом в данном вопросе: увы, несмотря на

мой уже не самый юный возраст, соответствующего опыта у меня почти не было. Вслух я сказал, что в традиционном обществе, которое здесь реконструировано, слово «любовь» может пониматься несколько иначе. Люди здесь балансируют на грани физического выживания, поэтому счастье понимается просто как сытая жизнь, здоровые дети и добрый заботливый супруг рядом. Идея бурных чувств, которые стали прямо-таки неестественным стандартом, возможна только в обществе избытка.

- Получается, что они воссоздали здоровое традиционное общество, но взамен отказались от любви? – усмехнулся Ержи.

Да, выходит, что так. Умом я понимал, что иначе быть не может, но сама формулировка звучала безрадостно.

- Э-э, надо сперва понять, есть ли на свете то, от чего, как вы говорите, они отказались, - нерешительно сказал я. – Так ли много в нашем обществе любви? Ну да, разговоров о ней много, мечтаний о ней – алчных, эгоистичных, гедонистичных – тоже полно. Но так ли много случаев этой самой большой любви? Именно любви, а не ее символов в виде пышных свадеб или демонстративного сексуального поведения. Сколько людей ее познали хотя бы на миг? Одна пара на сотню или одна на тысячу? Да - и мы будем считать статистику только взаимной любви, или «односторонние», безответные любви – тоже? Короче, когда вы восклицаете «как можно отказаться от любви ради разума», вы предполагаете, что у нас есть выбор – любовь или разум. Но ведь это блеф, нам нечего ставить. Любви у нас тоже нет. Любовь – удел избранных. Только они одни имеют право задавать этот вопрос и мучиться выбором. А мы с вами, скорее всего, ничем не отличаемся от этой гиперразумной сабинянки, которая лишь умеренно огорчена, что ее разлучили с женихом. Она, конечно, не испытывает к нему страстного чувства. Это просто спокойная привязанность. Но ведь и мы не можем похвастаться любовью. Просто в нашем обществе принято врать, будто у каждого из нас любовь есть. Ее просто позорно не иметь. А сабиняне – не врут...

Я перевел дух. Ержи с сочувственной усмешкой посмотрел на меня и хлопнул по плечу:

- Ладно, не огорчайся, тебе еще повезет!

Тим не стал язвить, а пожелал подискутировать по существу:

- Хорошо, хорошо. А если все-таки представить, что такая великая любовь здесь иногда случается – очевидно, статистика таковой везде примерно одинакова – то что делать влюбленным, если им запрещают видеться?

- Ну, трагедии Ромео и Джульеты ждать не приходится, - постарался я оправдаться шуткой. - Как мы знаем, в Сабинянии никто не препятствует парам составлять по любви. Ну, продлится разлука полгодика. За это время чувство распалится еще сильнее. Ведь и в нашем мире юноши, например, уходят служить в армию, и девушки их ждут...

...- А есть у вас те, кто вообще не работает? – уловил я голос Марино, спрашивавший кого-то по-итальянски.

- Нет, таких нет. Все работают, - медленно, с ученической расстановкой отвечал ему немолодой голос.

Благодаря этому я все мог разобрать. Марино тоже старался спрашивать помедленнее.

- А жрецы?

- Они тоже много работают.

- Но ведь не в поле, не в огородах?

- Там тоже. Но кроме этого, у них много другой работы.

- А какой именно?

- Много.

Я повернулся к Марино и сделал ему знак прекратить. Он понял и кивнул.

- Потрясающе, - сказал Тим. - Каждый из них действительно знает немыслимое количество языков! Причем неплохо знает. Я слышал, как Марк спрашивал вон у тех девушек на иврите, где находятся их компьютеры. Они ему очень четко ответили!

- А что ответили? - спросил Ержи.

- Что это тайна, - усмехнулся Тим. - А впереди Ченг беседует с парнем-воином, кажется, по-венгерски. Или откуда он там - из Венгрии, из Румынии? Короче - как возможно выучить столько языков? Даже у нас мало кто на это способен, а ведь мы не вкалываем всю жизнь в поле!

- Наверное, это возможно, если все свободное время посвятить этой цели, - пробормотал я. - У нас в наших городах просто слишком много лишних задач, которые мы сами себе придумываем... Хотя, пожалуй, да - для этой задачи требуется много досуга. А как справляются жрецы, а вообще не понимаю - ведь помимо отправления культа, нужно постоянно заниматься с паствой изучением иностранных языков. И самим их знать! Впрочем...

Я задумался и, не заметив большого камня на тропе, сильно ударился об него ногой. Сморгившись, но стараясь не издать ни звука (ведь рядом шли герои вовсе без обуви), я немного приотстал, а затем осторожно похромал дальше, ожидая, когда боль утихнет.

- Не хотите ли проехаться? - услышал я рядом с собой по-польски.

Во всяком случае, так я разобрал. Подумав о Ержи, я повернул голову и с удивлением увидел... Треххвостого. Он снова широко улыбался, обнажая крупные, чуть желтоватые зубы; ему определенно некуда было девать силы. Он сказал еще что-то по-польски, показывая на свою тележку.

- Ох, спасибо... - простонал я на своем родном языке. - Все в порядке, я дойду сам...

Парень чуть приподнял брови, но быстро сообразил, что ошибся, и перешел на мой язык.

- А я было подумал, вы тоже из Польши, как и тот, - весело сказал он.

Я вмиг позабыл о боли.

- А вы знаете о Польше? - спросил я.

- О Польше? - он удивился. - Ну конечно же, знаю... То есть, возможно, я знаю не все, - поправился он. - Перечислить всех королей вряд ли смогу. С датами иностранных интервенций у меня тоже плохо.

Он шутил, а я остолбенел.

- Пойдите, но... каким образом? И... вы знаете и о других странах?

Странно, вроде бы это не должно было меня удивлять. Я столько читал, писал и дискутировал о фантастической эрудиции сабинян. Но, встретившись с ней лицом к лицу, не смог поверить.

- Да, а что тут такого?

- А... э-э....

Я не знал, с чего начать. Хотелось спросить сразу все. Посмотрев вперед, я увидел, что мои товарищи приостановились и внимательно смотрят на нас, пытаясь хоть что-то понять. Но мой язык знают только в моей стране. И, как выясняется, в Сабинии. Я сосредоточился, подбирая английские слова.

- Скажите.... Что вы в целом знаете о нашем мире? Ну, о том, что находится снаружи стены? – спросил я на языке мирового гегемона.

Ержи, Тим и остальные прислушались. Треххвостый озадаченно посмотрел на меня, как будто не понимая, чего именно от него требуется.

- Ну, знаете ли вы, чем отличается тамошняя жизнь от вашей? – попробовал я упростить задачу.

- А, это конечно. – Он умолк, выбирая формулировку. – Там плотно-плотно толпятся люди, у которых очень-очень много прав и свобод, но которые оказываются бессмысленны, потому что у них нет земли, воды и воздуха.

Тим и Ержи переглянулись.

- Они привыкли на все иметь право, потому-то они поглотили всю природу, которая у них была, – продолжал парень, громыхая своей тележкой. – И теперь они страдают от несоответствия: вроде как право иметь все на свете у них есть, но они ничего не имеют. Поэтому теперь они требуют впустить их к нам в Сабинию, чтобы забрать себе нашу природу. Но так как их очень много, то, если они ворвутся, то просто растопчут и уничтожат все, что вы тут видите. – Он показал рукой на окрестности. – Или, может, те, кто посильней, захватят себе все, построят дворцы с заборами и охраной, а остальным – тем, кто с плакатами у стены – оставят один небольшой парк с платным входом. И те опять будут митинговать под окнами дворцов, требуя реализовать их права. Но тогда уж точно ничего не останется. Поэтому, как вы понимаете, нам нельзя их впускать...

- Скажите, это вам рассказали ваши руководители, или это ваши собственные мысли? – перебил Тим.

Треххвостый серьезно взглянул на него.

- Мысли ведь не могут возникнуть сами по себе, правильно? Конечно, кто-то мне должен был это сообщить. Или я должен был прочитать, или увидеть в интернете.

- Вы заходите в интернет? Читаете книги? Это все правда? – воскликнул Марино.

- Да.

- Насколько часто?

- Примерно через каждый месяц у нас бывает неделя учебы. Там и книги, и интернет, и занятия.

Вот оно! Значит, все правда. Свободная неделя после четырех недель труда! Это, конечно, тоже не ахти сколько, но уже многое объясняет. Мы обступили тележку со всех сторон, подпрыгивая на камнях с нею в такт.

- А кто с вами занимается? – спросил Марино.

- Те, кто знают вашу жизнь лучше других.

- И вы умеете переписываться в интернете? Знаете компьютерные программы? – послышался голос Йоки, которая тоже пристроилась к нашей группе.

- Ну, переустановить «Виндоус» смогу, - чуть смутился парень. – Но чего-то сложнее – это вряд ли. Есть другие, кто умеют... А переписываться – да, что тут сложного. Но в этих переписках много одинакового, поэтому быстро надоедает. Поначалу мне нравилось. Но я писал, например, в вашу «сабинянскую» группу. Под ником Лобито. Может, вы помните...

Все разом замолчали. Судя по изумленным лицам, Лобито вспомнил не только я. Ну надо же... Это просто невероятно!

- Чудеса... Я был уверен, что Лобито – это какой-нибудь университетский сноб, который закопался в умственных спекуляциях и сроду не держал в руках ничего тяжелее компьютерной мыши, - наконец, выдохнул Марк. – Но вы уверены, что это ... что он... что это действительно вы?

Треххвостый засмеялся.

- Как мне вам это доказать? Ну, помните (ведь Марк Аврелий – это ваш ник, верно?), мы еще с вами как-то раз спорили о неграх и китайцах? Помните? Вы меня еще называли расистом и пообещали никогда больше со мной не разговаривать...

Он вежливо улыбался, а Марк смутился.

- Да, кажется, что-то такое было. Извиняюсь, если что. Наверное, просто контекст беседы...

- Контекст был таким: я дерзнул утверждать, что китайцы и негры ближе к природе, то есть к животным, чем мы, белые. Потому что они способны осознавать себя как единое целое и действовать сообразно его задачам. А задачи у него, как и у всех организмов – размножиться, захватить весь предоставленный ландшафт и вытеснить конкурентов. Белые же разучились чувствовать себя целым, распались на множество индивидуальностей и потому проигрывают в конкурентной борьбе.

- И что же...

- И вы, как слышали, как вам показалось, неpolitкорректные нотки, так сразу начали повторять, как заведенный – что, мол, как можно делить людей по цвету кожи, стравливать расы между собой, объявлять кого-то неполноценным и т.д.. Вы словно читали заученный текст. Хотя я никого не считал неполноценным, даже наоборот. Я уважаю негров и китайцев, как достойных врагов. Победить их будет непросто. Но несмотря на это, сражаться с ними надо

- иначе победят они.

- Э-э, сравнение людей с животными в любом случае не может считаться в их пользу, - взволнованно пробормотал Марк. - К тому же, я совершенно не согласен с этой фантастической постановкой вопроса... О якобы существующей войне между черными, белыми и так далее...

Он заметно побледнел, да и другие тоже. По лицам можно было догадаться, что экскурсанты испытывают чувство потери неких опорных убеждений, которые считали незыблемыми. Хотя - разве мы все не знали наизусть историю убийств сабинянами «мирных туристов»? Строго говоря, только что услышанное откровение вполне коррелировало с нею.

В этот момент сзади прозвучало что-то похожее на птичий стрекот. Как оказалось, это товарищи позвали Треххвостого. Он тут же сделался серьезен и, вежливо кивнув нам, отодвинулся со своей тележкой в сторону, чтобы пропустить процессию и присоединиться к своим. Нам ничего не оставалось, как продолжать плестись вперед. Все озадаченно молчали. Один Ержи подал голос:

- Ну что, коллеги? Кажется - здравствуй, первое разочарование? Ждали встретить тут поющих ангелочков, а чувачок-то оказался - без пяти минут гитлерюгенд! Однако же и правда белокурая бестия! - оглянулся он назад, усмехнувшись. - Да и другие вряд ли лучше. Впрочем, я не удивлен. Даже, можно сказать, доволен. Если бы они тут распинались в любви ко всему миру, это было бы искусственно. А так - все как надо. Для ребят, живущих в маленькой осажденной крепости в окружении всевозможных врагов, текст совершенно естественный.

Мария хотела было закивать, но не решилась, видя напряженные взгляды остальных. На помощь пришел Ченг.

- Коллеги, не хочется использовать подобную лексику, но здесь очень важен контекст, - сказал он, старательно изображая непринужденную улыбку. - Дело даже не в осажденной крепости, хотя... Впрочем, самое главное, что этот способный юноша никогда в жизни не видел черных. Разве что в интернете. Не знаю, были ли прежде в экскурсиях представители монголоидной расы, но черных не было точно. Э-э, я это выяснял. И в саму общину, насколько я понимаю, всегда входили только белые. Так уж получилось...

- О, да они изначально стояли на твердой расистской платформе, - съязвил Ержи. - Такой последовательности позавидует любая ультраправая партия!

- ...мы не знаем, почему так получилось, - Ченг сделал вид, что не расслышал. - Скажем так, это были 60-е, когда в Европе темнокожих было не так много, как сейчас... И потом - он строго посмотрел на Марка - почему мы считаем, что они обязаны были брать в общину представителей других рас? Да еще и задним числом? Так уж получилось, что черные к ним не присоединились сразу, а потом стало поздно для всех, в том числе и для белых... Мы же не возмущаемся, что Христос был белым? Или кто-то видит в этом признак расизма?

Тут уж ничего не помешало Марии энергично выразить свое согласие.

- Местных жителей просто не обучили вовремя толерантности, вы уж извините, - подхватила она торжествующим тоном. - Как они могут быть терпимы к представителям других рас, если никогда их не видели? Если мы уважаем право сабинян на самоопределение, право жить своим изолированным социумом, то почему вменяем им в обязанность мыслить нашими категориями? Расизм - антирасизм, толерантность к черным... Все это имеет смысл только для нашего бурлящего котла цивилизации, куда свалены и перемешаны все расы и

национальности. А здесь – вполне возможно, что и к счастью! – этого нет. Так не заставляйте же сабинян разбираться в том, что не имеет к ним никакого отношения!

После этой невероятно длинной речи (Мария обычно высказывалась гораздо короче) она умолкла и победно всех оглядела. Судя по реакции Марка, который брел, понуро опустив голову, даже ему было нечего возразить.

- Иными словами – будьте толерантны к праву маленькой самобытной общины проявлять нетолерантность, – вставил Ержи. – А то какое-то противоречие получается: вроде как уважаем их права, но лишь до того момента, пока они соответствуют нашим ценностям. Нет уж, давайте будем последовательны...

- Коллеги, – торопливо вступил я. – Нас так задело содержание слов ... э-э... ну надо же – забыл спросить, как его зовут. Вобщем, их взводного. Хотя гораздо больше, на мой взгляд, мы должны были обратить внимание на глубину его погружения в нашу проблематику. Ведь это невероятно: босоногий человек, который с утра до вечера гнет спину на прополке огородов (ну ладно, пока что он служит в армии), потный, немывтый и т.д. – оказывается, этот же самый человек прекрасно ориентируется в интеллектуальном дискурсе нашей цивилизации, даже не побывав в ней ни разу! Вот это вам не кажется удивительным?

- Кажется, – согласился Ержи. – И вобщем-то, зачем ему так глубоко вникать в противостояние рас, которое, как вы верно заметили – он взглянул на Марию, – не имеет к нему никакого отношения? Какая ему разница, что черные идут на белых войной? Он что, собирается в этой войне участвовать? Да ему от белых-то браконьеров дай Бог отбиться, которые их частенько атакуют.

- Меня удивляет даже не его цель – возможно, цели нет никакой, – сказал я, – а то, как ему это удастся. Вот мы с вами не вылезает из соцсетей, с нами понятно. А он? У него же времени на знакомство с окружающим миром в пять раз меньше. Одна неделя из пяти, как он сказал. А остальные четыре – тяжелый труд, после которого уже не должно быть сил на умственные занятия. Как он успевает?

- Вообще-то я мало что успеваю, – слышался голос сзади. Мы все обернулись и увидели Треххвостого, догонявшего нас. Теперь он был без тележки – потому-то мы и не слышали грохота, который до этого упреждал его появление. – Вот Чит – он молодец. – Треххвостый показал рукой назад. Посмотрев в ту сторону, мы увидели, что часть группы – в том числе, похоже, все солдаты – отделилась от остальных и теперь поднималась вверх по тропке. Кто из них был Чит, я не определил. – Так он недавно стал соавтором доказательства какой-то теоремы, за которую то ли в Берлине, то ли в Нью-Йорке дали большую премию. – Видя наше немое изумление, Треххвостый с увлечением продолжил. – Ну, понятно, Чит не поехал ее получать. Он активно писал в одном математическом блоге, и так получилось, что они вдвоем с еще двумя англичанами натолкнулись на необычное решение. Эти двое оказались очень благородными и прямо настаивали, чтобы указать Чита в соавторах. – Видно было, что вся эта история Треххвостого здорово забавляла. – В конце концов он согласился, придумал какое-то несуществующее имя, а деньги попросил передать в благотворительный фонд. Я потом специально посмотрел: это выдуманное имя действительно фигурировало в списке авторов! Чит – вот кто у нас самый умный!

- Они ведь не знали, кто он на самом деле и откуда? – спросил Марк.

- Конечно. Мы все – ну, все, кому это нравится – пишем в сети под разными никами или вымышленными именами. Я, если честно, раньше публиковал стихи. – Он чуть смутился.

- Стихи – вы? – воскликнула Йоки.

- К счастью, они прошли незамеченными, потому что, конечно, мало чего стоили. Они были слишком сентиментальными, - он неловко улыбнулся.

Представить, что этот парень пишет лирические стихи, было выше нашего понимания, поэтому мы не нашли, что сказать.

- Было бы интересно почитать, - только и сказала Йоки, и эти слова впервые за историю их употребления не были данью вежливости. Это было бы действительно чертовски интересно!

- О, искренне надеюсь, что вы на них не наткнетесь, - весело махнул рукой Треххвостый, словно смахивая навсегда эту нелепую веху своей жизни. - Сейчас я пишу культурологические эссе, но вы – он с уважением посмотрел на Марка – наверняка сочтете их фашистскими, поэтому я даже не стану называть места их размещения.

Марк промолчал.

- Зато Снип – вон она – считается в определенных кругах интересным поэтом. Она пишет по-французски, и под мужским именем, - добавил он как можно тише.

Однако девушка – как раз та, которую он катал в тележке – то ли услышала его, то ли по выразительному взгляду догадалась, о чем он говорит. Она засмеялась, замахала рукой и произнесла последовательность звуков, из которых мы – было довольно далеко – уловили только нечто похожее на «Шшш, тххх». Треххвостый явно обрадовался возможности снова вступить в ритуальный диалог с женщиной. Он соорудил нарочито испуганную гримасу, исторг из себя что-то вроде «иййхс обссстерр!» и, изображая испуг, вприпрыжку помчался вверх по склону. Уже отбежав на почтительное расстояние, он обменялся с девушками еще несколькими шипяще-свистящими фразами, после чего снова оборотился к нам:

- Жаль, что нельзя продолжить нашу интересную беседу. Мне пора. - Он указал назад, на развилку, куда свернули его товарищи. - Думаю, мы еще увидимся.

- Куда вас направляют? – воскликнула Йоки.

Мне показалось, у нее был разочарованный вид.

- Задание. Служба, - просто ответил он и, поклонившись и взмахнув хвостами, быстро бросился догонять ушедших.

Йоки вздохнула.

- Не печальтесь. Вряд ли он тут один такой супермен, - подмигнул ей Ержи. - Встретите и других!

- Господи, да о чем вы говорите? – возмутилась она.

- Иногда я задаю себе вопрос, как вы вообще сюда попали, - чуть слышно прошепела Мария, покосившись на Ержи. - А главное, зачем.

- Вам стоит задать этот вопрос местному верховному жрецу, - Ержи галантно склонил голову. - Это он меня выбрал. Уж не станете ли вы сомневаться в его мудрости?

После разделения наша группа сильно поредела. И только тут я понял, что давно не видел

Тошука. Я сообщил об этом остальным. Мы принялись высматривать его, вертя головами по сторонам. Оказалось, что никто не заметил, в какой момент он исчез.

- Вроде бы он все время шел впереди, беседовал с этим хвостатым и его товарищами, - пытался вспомнить Ченг. - Но потом хвостатый подошел к нам, а Тошук, выходит, остался...

Но впереди Тошука не было; в голове колонны брели двое пожилых сабинян (точнее, сухоньких мужичков лет сорока). Не было его и сзади: там шагали девушки и еще несколько мужчин помоложе, которые не ушли вместе с солдатами. Выходит, он поднялся вверх вместе с ними? Но как же мы не заметили, как он перешел в хвост колонны? Я был растерян. За последние дни я привык всюду следовать за ним, и немного оробел, оказавшись один. Впрочем, конечно, я был не один, нас была целая группа, но ведь я едва знал этих людей... К тому же, он здесь единственный был моим соотечественником.

- Вы, кажется, хотели, чтоб нас передали местному провожатому, - вздохнул Ченг в сторону Ержи. - Похоже, это и произошло. Хотя по мне было бы лучше путешествовать в сопровождении более-менее знакомого человека. Ну что ж, придется привыкать к самостоятельности!

- Однако он мог бы и попрощаться, - недовольно сказала Мария.

Но обсуждение коварного исчезновения Тошука быстро прекратилось. Впереди за деревьями показалось первое картофельное поле. Немного погодя - еще одно, засаженное тыквами и кабачками. Наконец, глазам открылась широкая терраса, сплошь затянутая лоскутами огородов, словно пришитых один к другому. То там, то здесь виднелись серые фигуры работавших людей. Они склонялись над кустами и грядками, или, наоборот, тянулись к ветвям деревьев: участок по периметру окружал широкий фруктовый сад. Между лоскутами-полями текли ручьи. Судя по частоте и правильности их линий, русла были специально прокопаны для нужд орошения. Издали были различимы большие кочаны капусты, растущие правильными рядами. За ними - такие же ряды высоких кустов, усыпанных красными шариками - видимо, помидоры. Но больше всего было картофеля и тыкв - самых неприхотливых культур, что выращиваются для пропитания, а не для удовольствия. Впрочем, росли здесь и яблони, а также, как я мог разглядеть, сливы. Несколько женщин и детей собирали урожай с деревьев в большие корзины, подбираясь к ветвям с помощью дощатых помостов. На полянке в отдалении я заметил несколько рядков маленьких, словно игрушечных, домиков. Так и есть, это пчелиные ульи. Значит, машинально соображал я про себя, сабиняне все же не чужды, так сказать, и развлекательной функции еды. Во всяком случае, немножко сладкого они себе позволяют (себе или своему начальству? - тут же перебил мой внутренний скептик). В самой верхней части участка, прямо под скалистым уступом, находилась обширная невозделанная поляна. Там я впервые увидел жилище сабинян. Издали это был бесформенный сарай, составленный из нескольких деревянных коробок (комнат?), соединенных друг с другом явно безо всякого плана; возможно, их пристраивали в разное время. У некоторых коробок стены были не из дерева, а из сшитых кусков кожи или холстины, натянутых на деревянный каркас. Высота коробок тоже была разная. Над крышей некоторых возвышались печные трубы из жести (не считая ведра Теше, это были первые металлические предметы, увиденные мною здесь). Я рассудил, что деревянные отапливаемые коробки были, видимо, зимними спальнями. Легкие постройки из холстины использовались для жилья летом, а зимой служили хозяйственными помещениями. Окон видно не было. Если бы я не знал точно, что это жилой дом, то решил бы, что передо мной большой сарай для инвентаря или курятник. Перед домом размещалась нечто вроде походной кухни: над двумя большими кострами дымились котлы и сутились люди. Видимо, шло приготовление ужина. Пространство вокруг костров было прикрыто от дождя тентами из рваной холстины. Здесь же лежали рядками несколько бревен - видимо, для

сидения во время общих трапез.

Если бы не дом-сарай и огороды, то кухня походила бы на обычный туристский лагерь в лесу. В свою очередь, разноцветные лоскуты огородов с рассеянными по ним сероватыми фигурками напомнили мне средневековые миниатюры, посвященные трудам крестьян. Но, в отличие от мышинового подобострастия, с которым герои миниатюр обычно встречали процессию своего феодала, лица сабинянских крестьян при виде нас выражали лишь дружелюбное равнодушие. Ненадолго отвлекшись на наше появление, они снова углубились в свои занятия. И ей-богу, это не было равнодушие от оупляющего труда. Они смеялись, то и дело переговаривались, что-то обсуждали. Скажем так, наш визит не был для них экстраординарным инфоповодом. Казалось, они так увлечены чем-то внутри своей жизни, что все внешнее – будь то очередные экскурсанты, или вся наша цивилизация вокруг стены – значило для них не больше, чем шелест листвы на ветру.

Видимо, те же мысли посетили и моих коллег, потому что – я заметил – даже такой насмешливый скептик, как Ержи, приближался к ферме в благоговейном молчании. Что до Ченга, то он был в восторге.

- Смотрите, смотрите, как великолепно организованы посадки! – шептал он нам. – Не хуже, чем в Германии или во Франции. Какие помидоры, вы видите? А яблоки? А вон там – даже виноград! Картошка, смотрите – такая здоровая, и не одного паразита. Хотя химикатов тут нет по определению.

- Должно быть, немалого труда стоит содержать все в таком образцовом порядке, – неуверенно сказал Тим. – С учетом того, что нет ни машин, ни технологий.

- Конечно, ручной сельский труд тяжел, – наставительно подхватил Ченг. – Это совсем не то, что в наших городах пальцем по экрану смартфона водить. Но посмотри на эти лица – разве похожи они на измученных каторжной работой? А эти розовощекие загорелые женщины? А детишки? Да, у них руки и ноги в земле, но глаза прямо светятся радостью и здоровьем!

Возразить было нечего. Я подумал, что лица крестьян напоминают колхозников с пропагандистских плакатов сталинского СССР. Разве что те рисунки не имели ничего общего с реальностью, а эти люди были живыми и настоящими. Пожалуй, они выглядели даже лучше, чем на плакатах: сталинские колхозники все как один изображали какой-то штампованный щенячий восторг, а сабинянские лица были разными. Многие казались погруженными в себя, но, стоило соседу обратиться к ним, как они с готовностью поворачивали голову и отвечали, после чего вновь возвращались к своим мыслям. И они у них были, несомненно! Припомнив Треххвостого и его друга-математика, мне пришла в голову фантазия, что они похожи на группу философов, по идейным соображениям вышедших поработать в поле. Хотя для философов они управлялись уж слишком споро и умело, и руки их действительно были грязны, как у настоящих сельских тружеников. Должен признаться, я не находил в своей душе ни единого возражения этой благостной картине.

Ченг выбежал вперед и первым поравнялся с молодой женщиной, окучивавшей картошку. Одета она была ровно так же, как наши сабинянские спутницы – в линялую рубашку до колен и обмотку поверх нее, сделанную из более плотной ткани. Прическу из кос дополняла маленькая косынка. Сейчас солнце уже давно миновало зенит, но, видимо, в полдень здесь припекало. Ченг устремился к ней со счастливой улыбкой, явно желая получить подтверждение своим оптимистичным предположениям. Женщина, поняв это, оставила работу и выпрямилась, покорно ожидая бомбардировки из вопросов. Похоже, ей все это было не впервой.

Ченг постарался как можно церемоннее поклониться, совсем как в костюмных исторических фильмах.

- Здравствуйте, бог в помощь вашему труду! – воодушевленно произнес он.

- Спасибо, и вам здравствуйте, - после мгновенной заминки по-английски ответила женщина, слегка наклонив голову.

Видимо, ей, как и всем остальным, требовалось пауза, чтобы переключиться на чужой язык.

- У вас великолепный огород! Должен заметить, его одного достаточно, чтобы дать достойный ответ недругам Сабинянии!

- Разве у нас есть недруги? – удивилась женщина, и в глазах ее мелькнули веселые искорки.

- Ну как же, - смешался Ченг. – Э-э... Многие ненавидят вас за то, что вы являете принципиально иной образ жизни, отрицающий стандарты цивилизации...

Женщина на миг задумалась, но затем лицо ее прояснилось. Как и предыдущие наши собеседники, она не сразу сообразила, что от нее хотят добиться.

- Я не думаю, что нас ненавидят, - сказала она. – Нам, может быть, завидуют. Хотят занять наше место. Нам ведь достался самый счастливый жребий. Нас мало, и мы живем на большой пустой территории. А тех, за стеной – семь миллиардов, а места мало. Так что в какой-то степени это мы должны чувствовать вину за то, что нам так повезло...

Она хотела еще что-то сказать, но остановилась, заметив, что мы с открытыми ртами слушаем ее. Марк очнулся первым. Он огляделся и сказал больше нам, чем женщине:

- М-да. Не знаю, как вы, а я все-таки не ожидал от сабинянских земледельцев такой чисто городской саморефлексии. Тут, оказывается, тоже принято испытывать чувство вины! – Он повернулся к женщине. – Похоже, вы каждый день после работы зависаете в соцсетях.

- Нет, не каждый день, - засмеялась она. - Я захожу в интернет не чаще раза в два-три месяца. Работы много, а после работы я хочу отдохнуть, и мне не до интернета. Но соцсетей у нас тут и так достаточно. Видите, сколько людей!

- Все равно, боюсь, большинство поклонников Сабинянии в нашем мире были бы сильно разочарованы, если бы вас сейчас услышали. - Марк, наконец, сбросил с себя напряжение. – Они-то утешают себя – он мельком взглянул на Ченга, - что тут эдакая резервация отшельников, которые знать не знают интернета, ничего не слышали о наших культурных раскладах, носят исторические костюмы и поют фольклорные песни. И вдруг – слом шаблона!

Он сбросил рюкзак и уселся на землю, словно припечатывая этим жестом свою речь.

- Погодите, где это вы видели таких узколобых поклонников Сабинянии? – воскликнул Ченг. – Во-всяком случае, среди нас их нет. Лично я как раз был готов встретить здесь уникальный симбиоз современной постхристианской культуры и традиционного образа жизни... Который эти образованные люди выбрали сами, чтобы спасти и природу, и себя. – Он говорил очень горячо и складно, хотя было заметно, что он немного сконфужен. – И потом, посудите сами – как бы эти люди отражали натиск конкурентов, которые претендуют на их природные ресурсы, если бы не говорили на их языке? Чтобы победить врага (а как бы то ни было, цивилизация – враг Сабинянии) нужно досконально изучить ее. И местное руководство совершенно разумно

тратит много сил на теоретическое, так сказать, вовлечение своих жителей в нашу культуру...

Тут Ченг заметил, что женщина перестала слушать и вернулась к работе. Смутившись, он поспешил к ней меж гряд картофеля:

- На самом деле мы все мечтали бы оказать Сабинянии хоть какую-то помощь... Не хочется быть праздными экскурсантами! Позвольте помочь вам в прополке...

Женщина что-то вежливо ответила. Мы не слышали, что именно она сказала, но, видимо, она одобрила его идею, потому что Ченг, даже не сняв рюкзака, неловко опустился на колени и старательно принялся оказывать помощь Сабинянии. Туда же, в картошку, за ним следом устремилась и Мария. Я подумал, что это, пожалуй, было самое правильное решение. Я тоже меньше всего хотел быть здесь праздным туристом. Но Тошука рядом не было, а мне не хватало смелости, чтобы напрашиваться самому. Марка, впрочем, ничуть не напрягало амплуа туриста: он уже достал блокнот и увлеченно делал набросок. Судя по всему, на тему «Сабинянка и туристы». Йоки и Тим, не сговариваясь, двинулись к фруктовому саду – тоже, вероятно, пообщаться и предложить свою помощь. Сопровождавшие нас сабиняне тоже разошлись кто куда: одни присоединились к полевым работам, другие поволокли свои тележки и котомки к жилой постройке. Интересно, что рассредоточение произошло без малейшего промедления, как по команде. Однако командира я не видел.

На тропе остались лишь я, Марино и Ержи.

- Куда же исчез Тошук? – растерянно пробормотал я вполголоса.

Никто не ответил.

- Думаю, надо посмотреть на их дом, - наконец, сказал Ержи. – И с кухней познакомиться. Может, поесть дадут?

Он решительно двинулся к постройке, а мы с Марино поплелись следом.

<http://tl.rulate.ru/book/60095/1553100>